

Они стояли слишком близко. Так близко, что Сун Цинсуй отчётливо чувствовал дыхание Тан Хуая — оно касалось его ресниц. Щекотно. И от этого щекотало где-то внутри.

Он быстро заморгал и отвернулся. Странное ощущение слегка рассеялось, и наконец появилось место, чтобы обдумать вопрос Тан Хуая.

Поначалу его действительно поразило слово «запасной». Но от удивления до злости — дистанция огромная, и он сам не понимал, с чего Тан Хуай решил, что он злится.

Сун Цинсуй сжал губы и решил быть честным с самим собой:

— Мне просто показалось, что ты не можешь быть чьим-то запасным.

— А если я почти им стал? — спросил Тан Хуай. — В тот день, когда я приехал на базу WS, менеджер CAG звонил мне восемь раз.

Тут Сун Цинсуй вспомнил: да, в тот день Чжан Чжиян тоже упоминал, что CAG приглашали Тан Хуая.

Тогда он не придавал этому значения. Теперь стало ясно: видимо, и в CAG понимали, что Чжоу Цзин не может вечно оставаться ядром команды, и искали сильного новичка на скамейку.

Выбрать Тан Хуая было бы идеально: опыта нет — значит, послушный. И не надо бояться, что более именитый игрок спровоцирует Чжоу Цзина на очередной скандал.

Теперь, когда WS перехватили Тан Хуая, интересно, что об этом думает менеджер CAG. И не стоит ли кто-то из CAG за тем, что творится в сети.

Пока Сун Цинсуй перебирал все эти мысли, ему наконец удалось целиком выветрить из головы двусмысленную атмосферу, повисшую между ними минуту назад.

Они с Тан Хуаем — тиммейты. И он хотел бы, чтобы между ними было только это.

— Тогда я даже рад, — сказал Сун Цинсуй. — Ты умный человек и выбрал место, которое подходит тебе больше.

— И всё? — Тан Хуай сжал его руку ещё крепче. — Ты же слышал тогда.

— Что?

— Что я не рассматриваю другие команды.

— Ты знал, что я проснулся? — Сун Цинсуй выдернул руку и встряхнул её. — Ты с самого начала знал, что я не сплю, и нарочно это сказал?

Тан Хуай разом обмяк. Рядом с Сун Цинсуйем он словно превращался в тренировочный манекен из Ущелья — куда ткнёшь, туда и повернётся. Ни сил сопротивляться, ни желания.

Как и четыре года назад.

Сун Цинсуй ворвался в его блёклый, серо-белый мир как землетрясение.

Обедать вместе. Делать уроки вместе. Дежурить вместе. Играть в баскетбол вместе. Всё — вместе, словно сиамские близнецы.

В тот день Сун Цинсуй как обычно шёл с Тан Хуаем обратно в класс.

Они переступили порог — и гул разговоров оборвался. Несколько пар глаз уставились на них, не особо скрываясь.

Тан Хуай давно привык к подобному и невозмутимо прошёл к своей парте.

А вот Сун Цинсуй холодно усмехнулся, мимоходом постучал по парте старосты и спросил:

— На что уставились?

Староста заметно смутился:

— Ни на что. Скоро урок, иди на место.

Сун Цинсуй обвёл класс взглядом. На его тонком, красивом лице отчётливо проступил гнев:

— Я что, трёхлетний? Какой год на дворе, а вы в такие игры играете? Ты — староста класса, и ты же организуешь травлю? Бойкот одноклассника?

Староста в панике посмотрел на Сун Цинсюя, потом обернулся на Тан Хуая, хлопнул ладонью по парте и вскочил, покраснев до ушей:

— Кто кого травит?!

Сун Цинсуй снова усмехнулся:

— Кто делал — тот знает.

Старосту колотило от возмущения:

— Кто. Травит. Тан Хуая? Злое слово — что шило в сердце! Неудивительно, что ты с ним спелся!

Сун Цинсуй быстро заморгал. Что-то тут было не так.

Сосед старосты по парте тихо сказал:

— Мы боялись, что тебя Тан Хуай обижает. Просто не решались сказать при нём.

Сун Цинсуй опешил окончательно:

— Тан Хуай меня не обижает! Он вообще не из тех, кто обижает людей. Откуда у вас такое?

Сун Цинсуй так и не разобрался, в чём дело. Зато Тан Хуай понял мгновенно.

Всё оказалось недоразумением.

Сун Цинсуй решил, что его травят, — и поэтому вызвался стать ему другом. Не потому что действительно хотел с ним общаться, а потому что в нём проснулся благородный юный рыцарь, который обязан сразить дракона.

Прозвенел звонок. Тан Хуай постучал по парте и холодно произнёс:

— Урок начинается. На перемене договорите.

Весь класс замолчал. Сун Цинсуй в лёгком замешательстве вернулся на место, обернулся посмотреть на Тан Хуая — и машинально расплылся в улыбке.

Зима в том городе: всё вокруг затянуто снегом, ветром, стужей — даже солнечный свет казался отстранённым и блёклым. Но Сун Цинсуй сидел за партой и улыбался — и от этого всё становилось ярким и тёплым.

На самом деле у Сун Цинсуя был огромный выбор, с кем дружить.

Например, парень в очках из его комнаты в общежитии — староста параллельного пятого класса, постоянный отличник, золотой призёр олимпиады по физике.

Или сосед по койке — парень-спортсмен, поступивший в их школу по спортивной квоте, но с блестящим английским: у него была тётя, которая вела бизнес за границей и каждое лето на целый месяц увозила его путешествовать.

По сравнению с ними у Тан Хуая была дурная репутация, ни друзей, ни связей. Человек-невидимка, существующий на ничейной территории.

Настоящее.

Тан Хуай ладонью вверх приподнял подбородок Сун Цинсюя, заставляя смотреть на себя:

— Просто ты плохой актёр.

Сун Цинсюй цокнул языком и дёрнулся, пытаясь отстраниться, но Тан Хуай держал крепко. Сдвинуться не удалось.

— Я не актёр. Хватит меня лапать и хватит на меня дуться.

— Хорошо, обещаю. А ты — что пообещаешь мне?

Сун Цинсюй скосил на него глаза:

— Чего ты хочешь?

Тан Хуай произнёс медленно, отдельно:

— Чтобы ты больше меня не отталкивал.

Сун Цинсюй застыл.

Съёмка прошла гладко. Фотограф, чувствуя вину за задержку, предоставил им одежду и бесплатно сделал ещё одну серию в другом стиле.

Сун Цинсюю достался комплект в духе корейской школьной формы; стилист уложил ему волосы. Когда он вышел, вид у него был как у главного героя корейской драмы.

Цинь Чжэн молча отодвинулся от него подальше:

— Пожалуй, не буду сниматься рядом с братом Суном. А то буду выглядеть как его

телохранитель.

— Если бы я мог позволить себе нанять тебя в телохранители, — усмехнулся Сун Цинсюй, — это значило бы, что я неплохо поднялся в жизни.

Все рассмеялись, и вся съёмочная площадка наполнилась лёгким, радостным настроением — полная противоположность давящей атмосфере, которая была здесь, когда фотографировали Чжоу Цзина.

Вечером Шэнь Хуаньци не стал назначать скрим, но все всё равно тренировались самостоятельно: играли ранкед до двух ночи с лишним.

Сун Цинсюй, как обычно, ушёл последним. Когда он выключил компьютер, было уже почти три.

Стоило ему выйти за дверь, как он увидел Тан Хуая — тот стоял у стены, привалившись к косяку, с телефоном в руке.

Всё ещё в командной форме. Увидев, что дверь открылась, он протянул Сун Цинсюю бутылку тёплого молока:

— У тебя что, KPI — уходить последним?

Сун Цинсюй хотел отказаться, но вспомнил обещание, данное днём, и взял бутылку:

— А у тебя что, KPI — раздавать людям молоко?

— Никакого KPI. И ношу я его только тебе.

— У меня тоже нет.

Сун Цинсюй открутил крышку и отпил. Густой сливочный вкус ощутило снял накопившуюся усталость.

— Просто привычка.

В прошлом году WS номинально играли в системе двойного ядра: Чжоу Цзин и Сун Цинсюй получали одинаковые ресурсы. Но в мид- и лейт-гейме команду неизменно тащил один только Сун Цинсюй.

Вся команда висела на его плечах. Хочешь лучший результат — отдавай больше.

Киберспорт — индустрия, где гении собираются в кучу, и всегда найдётся кто-то талантливее тебя, кто к тому же пашет больше тебя. Хочешь побед — а сам лежишь на диване? Так не бывает.

Сун Цинсюй привык. И не считал это чем-то тяжёлым.

Подумаешь — пара лишних матчей, всё вместе меньше часа. Тут и рассказывать-то нечего.

Тан Хуай повернул голову и посмотрел на него сверху вниз. Кадык дрогнул несколько раз, прежде чем он заговорил:

— Теперь я буду рядом. Двойное ядро — значит, вместе.

Сун Цинсюй улыбнулся:

— Договорились.

Они поднялись по лестнице плечом к плечу, на ходу обсуждая последние изменения на корейском сервере. Атмосфера была тёплой и лёгкой.

У двери комнаты Сун Цинсюй остановился и покачал бутылкой молока перед Тан Хуаем:

— Спасибо за молоко. Но больше не надо — так поздно столько выпить, и потом живот лопается.

Тан Хуай смотрел на него мягко:

— Ты же плохо спишь. Молоко перед сном помогает уснуть.

Сун Цинсюй не ожидал такого аргумента. Он уставился на Тан Хуая, потом выдал:

— Тогда хотя бы бери маленькую бутылку.

Развернулся, вошёл в комнату, прислонился к двери и глубоко вдохнул.

О том, что он плохо спит, знали все. Но единственным, кто отнёсся к этому как к настоящей проблеме, был Тан Хуай.

Это чувство — когда тебя по-настоящему замечают — было похоже на то, как после многочасовой прогулки по лютomu морозу ты вдруг оказываешься в горячем источнике. Тепло напористо вытесняет холод, окутывает тебя, как щит.

Он размяк. И ощутил покой.

После умывания Сун Цинсуй, следуя совету визажистки из студии, выбрал маску, более подходящую его типу кожи.

Потом посмотрел на огромную коробку, до отказа набитую уходовой косметикой, махнул рукой и открыл первую попавшуюся бутылочку с сывороткой, намазав ею тело.

Буду пользоваться. Всё равно не пропадать же добру.

Через полчаса Сун Цинсуй, благоухающий с ног до головы, забрался под одеяло и уснул.

Но во сне пахло не косметикой, а виноградными сигаретами.

В полутёмной игровой комнате Сун Цинсуй сидел за компьютером и играл. За его спиной стоял мужчина: в одной руке — мягкая шёлковая лента, в другой — поблёскивающие серебром наручники.

— Неужели игра интереснее? Давай лучше поиграем со мной.

Голос был слегка искажён — незнакомый и вместе с тем неуловимо знакомый. Сун Цинсуй перерыл каждый закоулок памяти, но так и не нашёл совпадения.

Интуиция кричала, что «игра», которую предлагает этот мужчина, — точно не к добру. Он хотел заставить своё тело сосредоточиться на экране, но оно его не слушалось, словно жило собственной жизнью.

Он увидел, как сам встал из-за компьютера. Повернулся. Протянул обе руки.

Мягкая, нежная лента обвилась вокруг запястий — виток за витком, всё туже и туже. Кожа по краям покраснела, зашипала. Он беспокойно шевельнулся.

— Больно... Можешь полегче?

Широкая ладонь легла ему на щёку. Мозоли на подушечках пальцев скользнули по векам — медленно, бережно. И от этого мягкого прикосновения, будто от крохотной искры, внутри него что-то вспыхнуло, охватывая всё шире, добираясь до самой души.

— Конечно, А-Сюй. Что ты скажешь — я всегда послушаю.

Голос мужчины был нежен до невозможности. Горячее дыхание обдало шею, и Сун Цинсуй не смог сдержать дрожи.

Губы сплелись, слюна потекла по подбородку. Под властью сырого, первобытного желания нетерпение в каждом движении было очевидным. Но руки были связаны, двигаться было трудно, и ему оставалось лишь отдаться на волю чужих рук — языку, губам, пальцам, которые скользили, ласкали, сжимали.

Мужчина уговаривал его — тихо, терпеливо, — увлекая за собой.

Наутро.

Сун Цинсуй выбрался из-под одеяла и привычным, уже отработанным движением сунул пижамные штаны в стирку. Лицо было каменным.

Надо докупить ещё пару штанов. А то менять нечего.

В этот раз он был умнее: повесил штаны сушиться прямо в ванной, чтобы не столкнуться с Тан Хуаем на балконе.

Провозившись с полчаса, он снова лёг, взял телефон и по привычке открыл сначала WeChat, потом Weibo.

Знакомый звук обновления ленты — и знакомый ID.

Люблю Сюй-Сюя: Ты то далеко, то близко, но я уже распробовал сладость и больше не позволю тебе отдалиться. [ссылка]

Сун Цинсуй моргнул, подумал — и всё-таки решил открыть ссылку. Но значок загрузки крутился целых три минуты, а страница так и не загрузилась.

Кто-нибудь выдернул кабель? Стоп — это вообще не фишинговая ссылка?

<http://bllate.org/book/18105/1736385>